

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Наумовой Марии Максимовны «Откровенность в межличностной коммуникации» (Волгоград – 2015), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Анализ межличностной коммуникации относится к наиболее актуальным и одновременно наиболее сложным задачам как современной коммуникативно и когнитивно ориентированной лингвистики, так и традиционной лингвистики. Именно в данном типе коммуникации человек в наибольшей степени проявляет себя как личность, одновременно наиболее естественно и наиболее свободно, соответственно там всегда много возможностей для творческого самовыражения.

При этом в межличностной коммуникации в формировании передаваемых и принимаемых коммуникативных смыслов, распределении и динамике межличностных отношений участвует очень большое количество различных факторов, содержательных категорий, что обуславливает сложное, многомерное содержание высказываний, причем в большинстве своем данные факторы и категории изучены еще совершенно недостаточно.

Именно к таким содержательным категориям относится анализируемая в диссертации М.М. Наумовой *откровенность*: ее влияние на порождение и восприятие, формальные и содержательные особенности соответствующего текста несомненно, однако модель систематического представления откровенности: ее конкретные аспекты и проявления, признаки, по которым откровенность опознается в реальной межличностной коммуникации, – еще не разработана даже вчерне.

Все это обуславливает **актуальность** диссертационного исследования М.М. Наумовой, в котором выявляется и анализируется откровенность в межличностной коммуникации, строится типология *откровенного разговора* на основе важнейших параметров (таких как интенциональность, достоверность, количество коммуникантов), осуществляется анализ вербальных и невербальных средств, используемых на различных стадиях коммуникативной ситуации откровенного разговора.

Научная новизна работы обуславливается тем, что впервые откровенность изучается в большом количестве различных коммуникативных сфер (в том числе – в институциональных видах дискурса), на обширном и разнообразном **материале** (около 2 тыс. текстовых фрагментов, представляющих описание или выражение откровенности в межличностном общении, из художественной и публицистической литературы на русском языке, художественных фильмов, интернет-форумов и т.д.), с привлечением **с и с т е м н о г о** подхода к речевому общению, его единицам, категориям (данный подход можно определить как очень трудный, но совершенно необходимый), а тем самым – с привлечением разнообразных методик (ибо методики **д о л ж н ы** **б ы т ь** разными для, например, религиозного и бытового дискурса), хорошее владение которыми обнаруживает автор.

Системным подходом к речевому общению обуславливается и **теоретическая значимость** работы: М.М. Наумова осуществляет тонкий формальный и содержательный анализ *откровенности* в межличностной коммуникации, подвергая материал многоаспектному анализу по целому комплексу **теоретических моделей**, ряд из которых разработан ею самой и несомненно обогащает лингвистическую теорию.

К таким моделям, на наш взгляд, прежде всего относятся *ролевая структура коммуникативной ситуации откровенного разговора*: доверитель и конфидент (дискурсивная роль конфидента варьируется по степени активности), и *типология коммуникативных ситуаций откровенного разговора* по важнейшим параметрам: интенция адресата (осознанная или вынужденная откровенность), подготовленность, степень достоверности, мена ролей (диалогический или монологический тип), степень знакомства коммуникантов.

М.М. Наумовой выявляется и анализируется *система коммуникативных средств* (прежде всего иницилирующих), используемых в коммуникативной ситуации откровенного разговора и позволяющих опознать данный тип ситуации, например, объяснение мотивов выбора конфидента, просьба о неразглашении информации, описание чувств, которые доверитель переживает в данный момент.

Анализируя данные коммуникативные средства, М.М. Наумова вносит определенный вклад в разработку типологии *тактик призыва к откровенности*, таких как «заверение в конфиденциальности», «указание на преимущества откровенного разговора», «апелляция к высшему нравственному императиву», «редуцирование притязаний», «апелляция к близким отношениям».

Следует особо отметить весьма содержательное микроисследование, посвященное *метакоммуникативным средствам*, используемым в коммуникативной ситуации откровенного разговора. М.М. Наумова выделяет основные функции данных метакоммуникативных средств (как одинаковые, так и разные для доверителя и конфидента): ориентирующую, резюмирующую, уточняющую, констатирующую, оценочную. Вызывает согласие подход М.М. Наумовой, предполагающий классификацию метакоммуникативных средств, прежде всего, с точки зрения времени / стадии откровенного разговора.

Теоретическую значимость работы усиливает использование М.М. Наумовой достаточно стройной **понятийной системы**: которая необходима для единообразного, системного, а отсюда – непротиворечивого анализа материала: прототипическая коммуникативная ситуация откровенного разговора, участники откровенного разговора (доверитель, конфидент, наблюдатель), базовая мотивационно-целевая интенция, тема разговора, тип и способ общения, а также категории публичности, осознанности, неофициальности.

Рассматриваемая работа, несомненно, имеет **практическую** ценность: результаты исследования могут найти применение в преподавании курсов и спецкурсов по общему языкознанию, лингвокультурологии, теории комму-

никации, теории дискурса и теории речевых жанров, а кроме того – в риторических прикладных программах и пособиях по межличностной коммуникации.

Структура диссертации соответствует названию и цели работы. Диссертация состоит из трех глав, посвященных соответственно аспектам анализа откровенности и доверительности, откровенности в институциональной межличностной коммуникации, откровенному разговору в бытовой межличностной коммуникации.

Автореферат и опубликованные работы диссертанта (их 7, включая 3 в изданиях, рекомендованных ВАК) адекватно отражают содержание диссертации.

Замечания

- Исследователи хорошо знают, как трудно формализовать такие сложные, нестрогие (часто вероятностные), а также укорененные в национальном языке и национальной культуре (или даже ключевые для данной культуры) явления, как *«откровенность»*. При этом в лингвистике стал общепризнанным подход к таким явлениям, при котором явления сложные, малоизученные объясняются и описываются через явления, наоборот, простые и хорошо изученные. Но вряд ли возможно делать это через явления не менее сложные и несамопонятные (и не менее национально-культурно обусловленные), такие как *«излить душу»* (это выражение многократно используется в диссертации М.М. Наумовой), *«потребность в раскрытии души»*, *«восстановить душевное равновесие»*. Добавим, что эти «термины» не только лишены необходимой лингвистической определенности, но и соотносятся скорее с другим типом коммуникации – *разговором по душам* (см. лексему *душа* в них), которому автор противопоставляет анализируемый ею *откровенный разговор*.

- Недостает четкости в определении различий между близкими, но явно нетождественными понятиями: *откровенность ~ доверительность ~ искренность ~ честность* (чем отличается призыв к *откровенности* от призыва *быть честным, сказать правду, сказать по секрету, говорить искренне?* и *«откровенно говоря»* от *«по правде говоря»?* или вообще нет разницы?), а также в антонимичных парах: *откровенность ~ ложь, откровенность ~ скрытность, откровенность ~ притворность* и т.д.

Вероятно, по этой причине исследование М.М. Наумовой не всегда свободно, с одной стороны, от **противоречий**, с другой – **тавтологии**.

Так, М.М. Наумова вначале характеризует «прототипическую коммуникативную ситуацию откровенного разговора» тем, что *«откровенный разговор происходит между очень близкими или хорошо знакомыми людьми»* (с. 104), а затем – выделяет подтипы, в том числе прямо противоречащие этому определению: *«откровенный разговор может происходить как между близкими людьми, так и между едва знакомыми («эффект случайного попутчика»)»* (с. 110). Точно так же М.М. Наумова вначале характеризует откровенный разговор в бытовом дискурсе (*«откровенный разговор представ-*

ляет собой **непосредственный, контактный вид взаимодействия**» (с. 104)), а затем – выделяет подтипы: «**откровенный разговор может быть <...> непосредственным (с глазу на глаз) или опосредованным (например, через телефонную связь или Интернет)**» (с. 107). И наоборот: некоторые характеристики, приписываемые М.М. Наумовой откровенному разговору в бытовом дискурсе, кажутся тавтологичными, поскольку являются прямым следствием доминант бытового дискурса: «**По типу общения откровенный разговор реализуется в неофициальной обстановке**» (с. 104); «**По способу общения откровенный разговор представляет собой непосредственный, контактный вид взаимодействия с использованием языковых средств разговорной речи**» (с. 104). По уже названной причине: отсутствие по-настоящему четкого эксплицитного разграничения понятий (в данном случае – откровенности и доверительности) – кажется тавтологичной и ключевая формулировка: «**Откровенность реализуется в рамках доверительного межличностного общения**» (Положение 1, выносимое на защиту).

• Вопреки всем приведенным М.М. Наумовой доводам, я не могу согласиться с тем, что «одна и та же» откровенность существует, например, в бытовом, политическом, юридическом, религиозном дискурсах. В целом большинство характеристик, приписываемых М.М. Наумовой ситуации откровенного разговора, противоречит доминантам институционального дискурса: «**доверие, основанное на аффилиации – важнейшей потребности человека в создании теплых, эмоционально значимых отношений с другими людьми, выполняет функции эмоциональной поддержки, установления психологического контакта, формирования и углубления межличностных взаимоотношений, сохранения и/или восстановления душевного равновесия**» (Положение 2, выносимое на защиту), откровенности приписывается **катартическая функция** (Положение 1). (Автор и сама понимает, что, например, «**для политического дискурса <...> ситуация откровенности не является типичной или служит целям манипуляции общественным сознанием**» (с. 82).) Я не могу представить, что настоящая откровенность возможна без искренности, автономна от нее. М.М. Наумова же утверждает, что «**откровенность <...> в массмедийном дискурсе лишена спонтанности и искренности**» (Положение 3). Особенно трудно согласиться с М.М. Наумовой, когда она пытается находить откровенность в **общении со следователем** (т.е. в ситуации допроса). Даже «**будем откровенны**» там ничего не доказывает: там это или явная манипуляция (и автор это понимает), или ирония (следователь может предложить допрашиваемому и «**поговорить по-дружески**», но из этого не следует, что они станут друзьями!).

• Точно так же я не могу согласиться с тем, что «откровенность» следует искать, прежде всего, в «**в бытовой межличностной коммуникации**» (не бытийной). Мне представляется, что место откровенности в бытовом дискурсе вообще очень локально и ограничивается весьма специфическими контекстами типа: «**Откровенно говоря, это платье тебя полнит**».

• Кажется избыточной связь, которую М.М. Наумова усматривает между откровенностью и жанрами, например: «для таких жанров политического дискурса, как **публичные выступления политиков, интервью политических лидеров** <...> можно наблюдать градацию по степени откровенности от **просто правдивого сообщения** <...> до **исповеди**» (с. 80-81): вряд ли такие содержательные характеристики речи, как степень откровенности, могут определяться жанром как таковым, ведь жанр речи – всего лишь форма. (Это примерно то же самое, что выводить *степень правдивости* из жанра.)

• Автор пытается выявить некоторые существенные характеристики *откровенного разговора* через сравнение *откровенного разговора* и *разговора по душам* (с. 111-115): в большинстве случаев выявляемые ею сходства и различия этих жанров вызывают согласие, однако в результате она отрицает национально-специфический характер откровенного разговора (с. 114), т.е. фактически утверждает, что откровенность (в отличие от *разговора по душам*) универсальна, – а это, с одной стороны, представляется очень сомнительным, с другой – автор вообще вряд ли имеет право на подобные утверждения, поскольку ее материал – только русскоязычный.

Все замечания имеют дискуссионный или рекомендательный характер, направлены на расширение круга обсуждаемых в диссертации проблем и несколько не снижают высокой оценки, которую заслуживает рецензируемое диссертационное исследование, являющееся серьезным вкладом в теорию коммуникации, теорию дискурса, теорию речевых жанров, а тем самым – теорию языка.

Резюмирую. Диссертация М.М. Наумовой «Откровенность в межличностной коммуникации» соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» (в редакции постановления Правительства РФ от 24.09.2013 г., № 842), предъявляемым к научно-квалификационным работам, претендующим на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского»,
профессор кафедры теории, истории языка
и прикладной лингвистики
(410012, Саратов, Астраханская, 83, СГУ,
Институт Филологии и журналистики,
(8452)-21-06-24, dementevvv@yandex.ru)

Подпись Дементьева Вадима Викторовича
удостоверяю:
ученый секретарь

22.05.2015

Дементьев Вадим Викторович

И.В. Федусенко

Список научных трудов

официального оппонента В.В. Дементьева по теме диссертационного исследования Наумовой Марии Максимовны «Откровенность в межличностной коммуникации», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

1. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
2. Дементьев В.В. Русские культурные и коммуникативные ценности у А.И. Солженицына // Политическая лингвистика. – Вып. 2(32). – Екатеринбург, 2010. – С. 150-164.
3. Дементьев В.В. Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи) // Политическая лингвистика. – Вып. 4 (34). – Екатеринбург, 2010. – С. 24-40.
4. Дементьев В.В. Об одном способе концептуализации жанра «разговор по душам» в русской речи // Грани познания. 2011. – № 4 (14). – С. 86-89.
5. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «Речевой жанр и языковая личность» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2011. – № 2. – С. 313-318.
6. Дементьев В.В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: к дискуссии А.Д. Шмелева с А.В. Павловой и М.В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Политическая лингвистика. Вып. 1(39). – Екатеринбург, 2012. – С. 11-16.
7. Дементьев В.В. Общение друзей в телесериале «Глухарь»: жанровая структура и идеологические доминанты // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения: сб. докладов. – Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2012. – С. 126-138.
8. Дементьев В.В. Косвенные директивы и манипуляции в русской речи: национально-ценностный взгляд // Культура и текст. 2013. – № 2 (15). – С. 238-251.
9. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. – М.: Глобал Ком, 2013. – 338 с. (Studia philologica).
10. Дементьев В.В. Об одной актуальной проблеме русской общественно-политической коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. – № 1 (1). – С. 12-44.

11. Dementyev V.V., Balashova L.V., Stepanova N.B., Baykulova A.N. Linguistic aspect of speech genres // Journal of Language and Literature. 2014. – Vol. 5. – No 4. – Pp. 288-291.

12. Дементьев В.В. Интертекстуальность и речевые жанры: вторичный текст как метафора реплики в диалоге и вторичный речевой жанр как метафора (Глава 4) // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. Коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. – М.: Флинта-Наука, 2014. – 352 с. – С. 96-124.

13. Дементьев В.В. Традиции эстетики любви и дружбы в русской речевой коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики 2014. – № 16. – С. 170-180.

14. Дементьев В.В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013-го // Жанры речи. 2014. - № 1-2 (9-10). – С. 22-49.

Доктор филол. наук, профессор
каф. теории, истории языка и
прикладной лингвистики
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского»

Дементьев Вадим Викторович

Подпись В.В. Дементьева заверяю

Ученый секретарь ФГБОУ ВПО «Саратовский
государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского»

22.05.2015